

ПАМЯТЬ

Как и всегда в свой день рождения, он созвал бы гостей в уютную квартирку на Комсомольском проспекте, красивая хозяйка — жена Ванда — уж показала бы, на что способна: столы ломались бы от вкусовостей... Но судьба, как и история, не терпит слагательного наклонения.

“МК” попросил рассказать о Евгении Леонове Александре Збруева, с которым они репетировали, снимались, дружили.

ГЕНАДИЙ АВРАМЕНКО

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ЧУДАК

Сегодня Евгению
ЛЕОНОВУ

исполнилось бы
80 лет

знакомые... Сын Андрюша с Вандой жили в Германии, пока Евгений Павлович не выздоровел. Кстати, когда Леонов был без сознания, доктора наставляли Андрея: “Разговаривайте с ним, он в беспамятстве, но вдруг на секундочку придет в себя и услышит родной голос”. И вот Андрюша часами с ним разговаривал... Даже песни пел. И Ванда тоже...

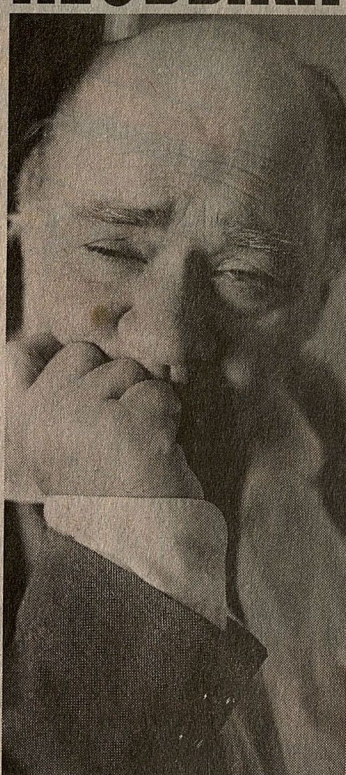
— Леонова любили миллионы. Как он прошел через эти медные трубы — поклонников ценил или избегал?

— Поклонники стремились его потрогать, погладить... Во время гастролей по провинции поток машин останавливался, когда он шел по улице. Водители глаза таращили — пытались разглядеть своего любимца... Евгений Павлович понимал: его профессия публичная, и ценил любовь зрителя. Я не припомню такого случая, чтобы он кому-нибудь в автографе отказал. Подходят к нему поклонники, а он с одним пошутит, другого по волосам потреплет. Создавалось такое ощущение, будто Леонов хотел сказать: я такой же, как ты.

— Но его любили и партбоссы. Он пользовался этим?

— Только если к нему обращались за помощью. Ведь перед Леоновым были открыты все двери. А сам не шиковал. Жил в нормальной, без излишеств квартире на Комсомольском проспекте — там и сейчас метров нет. И я не припомню, чтобы он жаловался на бытовые моменты. Даже на гастролях с его стороны никогда не было претензий — чтобы ему, к примеру, номер в гостинице не понравился.

Кстати, о гастролях. Ведь Евгений Павлович на гастроли всегда ездил со своей собакой. Ее Донь-

ГЕНАДИЙ ЧЕРКАСОВ

— Александр Викторович, Евгений Леонов для вас был коллегой или другом?

— Он особо не приближал к себе. Хотя ему все душу раскрывали, самое сокровенное рассказывали. Евгений Павлович же относился к людям с симпатией, но вот так чтобы самому откровенничать с кем-то — нет...

— Правда, что этот гениальный комик в жизни был грустным?

— Правда. Грустным его можно было увидеть очень часто. Иногда спросишь: “Евгеша, а что вы грустите?” Он так тихо в ответ: “Даже не знаю, как-то вот некомфортно...” Наверное, он много мечтал.

— О чем?

— Мечтал в пьесах Шекспира сыграть. Он часто был недоволен своей работой, тем, как играет. После спектакля — цветы, восторги. А останешься с ним наедине, и

он: мол, вот в том месте не совсем сыграл и в том нужно было по-другому...

Он со зрителем сражался! Люди приходили в театр и хотели увидеть, например, Доцента из “Джентльменов удачи”. А он не шел у них на поводу. Например, спектакль “Иванов” Захарова, где Леонов играл Иванова, — это же была роль, для которой Евгений Павлович в принципе не подходил. Но стал в ней настолько убедителен, что зрители забывали про “моргалы выколю!”. Все понимали: перед ними человек с драматичной судьбой.

— Но все же ролей в “Ленкоме” у Леонова было не слишком много. Переживал?

— Возможно... Например, он очень рвался к роли короля Лира — там ведь есть философия жизни, а Евгений Павлович философ жизни. Когда он выходил на сцену в “Поминальной молитве”... Ну какой там комик? Великий драматизм и трагизм. Вы даже не представляете, что происходило на сцене когда там встречались такие гении как Захаров, Чурикова, Леонов, Шейнис! Это настоящий космос...

— В театре мог за себя постоять?

— На репетициях Евгений Павлович, конечно, отстаивал свою позицию, но одновременно слушал режиссера. Мало того, он умел выживать из советов режиссера именно то, что нужно ему.

— Если по фильмам судить, Леонов — душа компании. А в жизни?

— Он был человеком гостеприимным и хлебосольным. Только на порог, а Евгений Павлович сразу угощать. Отвечаешь: нет-нет. А он: мол, да ладно, и кричит жене: “Ванда, чего там у нас есть?” Очень угощать любил: сидит за столом, а вокруг него гости лопают, едят... И Евгений Павлович с наслаждением наблюдает за ними. К тому же Ванда замечательно готовила. А у самого Евгения Павловича рядом с тарелкой всегда горсточка лекарств. Болел часто.

— То есть клиническая смерть, которая с ним случилась в 1988-м в Германии, не стала неожиданностью?

— Напротив, это стало полной неожиданностью. Все ему старались помочь — театр, посольство,

кой звали, дворняга обычная. Помню, приехали в Ригу. У него гостиничный номер на первом этаже. Рано утром такая картина: полуголый Леонов внимательно разглядывает из окна окрестности, опершись на руку. А через некоторое время уже на улице выгуливает Доньку свою. Это не человек — океан доброты.

Или в “Ленкоме” случай был: перед премьерой показываем спектакль для своих — актеров, знакомых, друзей. Зал забит. За считанные минуты до открытия занавеса на сцену из-за кулис вышел Евгений Павлович — искал свободное место для себя в зрительном зале. И вдруг все без исключения встали и... гром аплодисментов! А Леонов застенчиво заулыбался и сел на свободное местечко.

Он был суперскромным. Тише воды, ниже травы. Эта внешне он добрый, покладистый, с юмором, с прищуром... А вот внутри него жил еще один человек.

— Какой?

— Я бывал у него дома: по поводу и без повода. И могу сказать — Евгений Павлович обожал свою жену, Ванду. В сыне души не чаял. Если у Андрюши что-то не получалось в театре, у Леонова сердце болело, места себе не находил. Но вот какое дело: когда Евгений Павлович приходил в театр, свои страдания никому не навязывал.

В театре всегда ходил с папкой, в которой вложены бумажки — на них роль расписана: там и пометки, и рисунки. Зайдешь к нему в гримерную перед спектаклем, а у него на столике разложена эта самая роль, и он внимательно ее изучает. И не потому, что забыл. Он каждый раз заново вползал в эту роль, что-то новое искал.

— День рождения Леонова для “Ленкома” — событие?

— Конечно. Люди на кладбище приходят, цветы приносят... Вот я говорю с вами, и у меня устойчивое ощущение, что Евгений Павлович жив — в театре осталась его энергетика. Мне иногда кажется, что когда Марк Анатольевич Захаров распределяет роли для спектакля, наверняка сокрушается: вот был бы Леонов, вот он бы сыграл!

— Сегодня есть актеры, которых можно сравнить с Евгением Павловичем?

— Нет.

Оксана ХИМИЧ.